

**«НЕДОЛГО НАС ПОКОЙНИЦЫ ТРЕВОЖАТ»:
СЛЕЗА ЛОВЛАСА В «КАМЕННОМ ГОСТЕ» А.С. ПУШКИНА**

Романова Алена Николаевна, кандидат филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, romanovaaal@mail.ru

Аннотация. В работе над образом Дон Гуана Пушкин соприкасается с вековой традицией художественного истолкования «вечного сюжета». Источники, тем или иным образом повлиявшие на замысел поэта, достаточно хорошо изучены, однако происхождение ряда образов пушкинской пьесы, в том числе образа «бедной Инезы», остается не вполне ясным. В статье обосновывается гипотеза о том, что один фрагмент романа С. Ричардсона «Кларисса, или История молодой леди», не привлекавший до сих пор специального внимания исследователей, имел прямое отношение к генезису образа главного героя и отразился в первой сцене трагедии «Каменный гость».

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Каменный гость», пьеса, роман, С. Ричардсон, образ Ловласа, вечный сюжет.

Для цитирования: Романова А.Н. «Недолго нас покойницы тревожат»: слеза Ловласа в «Каменном госте» А.С. Пушкина // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 38–43. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-38-43>

Research Article

**“THE DEAD DO NOT DISTURB US FOR LONG”:
LOVLAS’S TEAR IN “THE STONE GUEST” BY A.S. PUSHKIN**

Alyona N. Romanova, candidat of Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, romanovaaal@mail.ru

Abstract. In his work on the image of Don Juan, Pushkin comes into contact with the age-old tradition of artistic interpretation of the “eternal plot”. The sources that in one way or another influenced the poet’s idea are quite well studied, however, the origin of a number of images in Pushkin’s play, including the image of “poor Ineza”, remains not entirely clear. The article substantiates the hypothesis that one fragment of S. Richardson’s novel “Clarissa, or the Story of a Young Lady”, which has not yet attracted special attention of researchers, was directly related to the genesis of the image of the main character and was reflected in the first scene of the tragedy “The Stone Guest”.

Keywords: A.S. Pushkin, “The Stone Guest”, play, novel, S. Richardson, the image of Lovelace, the eternal plot.

For citation: Romanova A.N. “The dead do not disturb us for long”: Lovlas’s tear in “The Stone Guest” by A.S. Pushkin. A.S. Pushkin’s Creativity at the reception of A.I. Ertel. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 38–43 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-38-43>

Работая над пьесой «Каменный гость», Пушкин соприкасается с мощной традицией художественного истолкования образа Дон Гуана. Источники, тем или иным образом повлиявшие на поэта, достаточно хорошо изучены. Их глубокий анализ был дан Б.В. Томашевским в седьмом томе академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, в единственном томе, вышедшем с полноценными комментариями в 1935 г. [Томашевский: 547–578]. За следующие десятилетия научные представления о генезисе пушкинского замысла существенно расширились. В процессе осмысления «Каменного гостя» исследователи обратились и к фольклорным источникам, и к различным литературным обработкам

«книдского мифа», и к фаустовским мотивам. Суммирующая информация по этой проблеме дана в примечаниях В.Е. Багно и М.Н. Виротайнен в новом академическом издании (также 7-й том) [Багно, Виротайнен: 814–854] и в третьем выпуске «Пушкинской энциклопедии» [Пушкинская энциклопедия: 24–68].

Наиболее значимыми для творческого замысла Пушкина считаются те источники, на которые недвусмысленно указал сам поэт: «Пушкинская версия мирового сюжета содержит ориентацию на два крупнейших произведения, его разрабатывавших: на комедию Ж.Б. Мольера... “Дон Жуан, или Каменный гость”... и оперу Моцарта “Дон Жуан”. Обращение Пушкина к другим источникам остаётся пробле-

матичным» [Багно, Виролайнен: 824]; «Пушкинская версия мирового сюжета ориентирована на комедию Ж.Б. Мольера “*Dom Juan, ou le Festin de Pierre*” (поставлена 1665, изд. 1683; традиционный перевод заглавия в 1810-х гг. – “Дон Жуан, или Каменный гость”... и оперу Моцарта «Дон Жуан» [Виролайнен: 38]. Однако установленные исследователями связи пушкинского замысла с другими явлениями мировой культуры позволяют оценить и масштаб пушкинского образа, и новизну, и неповторимость разработанного им варианта вечного сюжета.

Среди персонажей мировой литературы, у которых Пушкин «подсматривает» психологические черты своего Гуана или заимствует факты его биографии, не последнее место занимает Роберт Лавлейс (или Ловлас) – герой романа С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу, или История молодой леди», созданного в 1748 г.

Соблазнитель и сладострастник Ловлас – одно из «перерождений» «вечного образа», исторически конкретизированный вариант Дон Жуана. Связь между этими литературными героями хорошо осознавалась читателями начала XIX в. Например, сравнение персонажей Мольера и Ричардсона содержалось в одном из популярных французских театральных фельетонов Жофруа, которые, как утверждает Б.В. Томашевский, «конечно, были известны Пушкину» [Томашевский: 556].

Ловлас, как и его младший современник Вальмон, – носители той же философии аморализма, которую исповедуют блистательные и распутные аристократы в пьесах Тирсо де Молины и Мольера. Но эпоха оставляет свой отпечаток на персонаже, формирует новые черты его личности. Дитя рационального и циничного галантного века, Ловлас – развратник «по убеждению», по духу времени, один из тех, которые гонятся за наслаждением, «не любя», то есть не столько по естественному влечению, сколько по указке господствующей моды.

В культурной памяти пушкинского поколения герой Ричардсона присутствует как общеизвестный, распространенный тип: «В художественных произведениях и главным образом письмах Пушкина имя “Ловлас” многократно употреблено в нарицательном смысле» [Рак: 293].

Известно, что замысел пьесы о Дон Гуане восходит к середине 20-х гг.: «Когда осенью 1826 г. Пушкин вернулся из михайловской ссылки, современникам стало известно о существовании замыслов “Каменного гостя” и “Моцарта и Сальери”» [Виролайнен: 25]. В это же время поэтом был прочитан и роман Ричардсона. «...В Михайловском П. читал “Клариссу” во французском переводе аббата А.Ф. Прево д’Экзиля (Prévost d’Exiles, 1697–1763) по имевшемуся в Тригорском изданию (*Lettres angloises, ou Histoire de Miss Clarisse Harlowe. Nouv. ed. Paris, 1777.*

14 t. в 7 переплетах)» [Рак: 292]. В библиотеке Пушкина имелось также трехтомное издание сочинений Ричардсона на английском языке (см: [The Novels of Samuel Richardson]), но неизвестно, обращался ли к ним Пушкин и когда именно. По указанию Б.Л. Модзалевского, пометок Пушкина в этом издании нет [Модзалевский: 321]. «Пушкин прочел “Клариссу” в Михайловском, причем пользовался экземпляром из тригорской библиотеки. Это удостоверяется не только рисунком на книге, но и словами в письме к брату Льву, написанном в 20-х числах ноября 1824 г.» [Лотман: 88].

Впечатления поэта о романе, общее представление о котором он, разумеется, имел и раньше, были преимущественно негативными.

В четвертой главе «Евгения Онегина» тип Ловласа представлен глубоко устаревшим и даже комичным, как пудренные парики и фижмы:

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблучков
И величавых париков

(гл. 4, строфа VII) [Пушкин 1978а: 68].

В этом эпизоде оценка принадлежит в равной степени автору и Онегину, которому сравнение с Ловласом отнюдь не льстит.

Однако отношение Пушкина к роману и его героям, как неоднократно показывали исследователи, далеко не однозначно. Так, «обманы» Ричардсона отчасти формируют душевный мир любимой героини Пушкина Татьяны Лариной, хотя сам поэт в письме к брату именовал Клариссу «скучной дурой» [Пушкин 1926: 98].

Ю.М. Лотман доказывал, что реальные обстоятельства знакомства поэта с романом Ричардсона буквально отражены в «Романе в письмах», а оценки, вложенные в уста героев этого произведения, отчасти совпадают с авторскими. [Лотман: 88]. Безусловно, Пушкин и передает героям этого незавершенного произведения ряд собственных суждений, и в то же время опровергает эти мнения намеченным ходом повествования. Например, Лиза вслед за Онегиным с насмешкой отзывается о кумире прежних времен: «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внушек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом?» [Пушкин 1978б: 44]. Но Пушкин дает ответ на риторический вопрос героини. Лиза не замечает, как в ее собственной судьбе «по старой канве» заново вышивается все та же история. На страницах «Романа

в письмах» появляется образ современного мучителя женских сердец: Владимир облечен в модный дендиизм, вооружен новейшими атрибутами светскости и моды. Однако способы нравиться женщинам так же мало изменились со времен Ловласа, как и сами женщины. В письмах героев раскрываются инструменты соблазнения: комплименты, знаки внимания, таинственные намеки, страстные взгляды, неожиданные перемены в поведении, настойчивость в уходе за женщиной. Высказанное героиней пренебрежение к Ловласу автор корректирует признанием живучести типа соблазнителя, облекающегося в каждом веке в новый внешний антураж.

Ловлас как персонаж интересует Пушкина, этот образ обладает определенным потенциалом, дает импульс для творческого воображения.

В 1830 г. в Болдине Пушкин возвращается к замыслу пьесы о Дон Гуане. Вероятно, в процессе работы над ней и над последними эпизодами «Онегина» некоторые идеи, мотивы, намеченные пять лет назад, освежаются в памяти поэта. И «обветшалый» персонаж Ричардсона вместе с мощными бессмертными образами Мольера и Моцарта вносит свою лепту в создание пушкинского Дон Гуана, выступая прямым источником одного из фрагментов пушкинской пьесы.

Речь идет о первой сцене трагедии, где Гуан вспоминает одну из погубленных им женщин:

Дон Гуан
(задумчиво)

Бедная Инеза!
Ее уж нет! Как я любил ее!
Лепорелло

Инеза! – черноглазую... о, помню.
Три месяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помог лукавый.
Дон Гуан

В июле... ночью. Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвевших губах. Это странно.
Ты, кажется, ее не находил
Красавицей. И точно, мало было
В ней истинно прекрасного. Глаза,
Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб – как у больной, –
Муж <у> <n>ее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..
Лепорелло

Что ж, вслед за ней другие были.
Дон Гуан

Правда.
Лепорелло

А живы будем, будут и другие.
Дон Гуан

И то [Пушкин 2009: 136–137].

Этот эпизод – один из самых загадочных в пьесе, новаторский по отношению ко всей предшествующей литературной традиции. В комментариях к новому академическому изданию о нем сказано следующее: «Удаление от традиции и работа в рамках традиции переплетены в истории “Каменного гостя”. Так, эпизод с Инезой, не характерный для литературных версий сюжета (герой тоскует по умершей возлюбленной), генетически восходит именно к ним. У Мольера, Моцарта и в их общем источнике – драме Тирсо де Молины – неперенным элементом сюжета был эпизод крестьянской любви Дон Жуана. В черновом варианте “Каменного гостя” Инеза – дочь мельника. Из белого текста приметы “крестьянского романа” устранены, однако отзвук этой сюжетной линии остался в словах Дон Гуана: “Да я не променяю <...> Последней в Андалузии крестьянки...”» [Багно, Виrolайнен: 841].

В генезисе этого эпизода прослеживается связь с основными источниками жуановского сюжета, в каждом из которых есть «крестьянская любовь», точнее, соблазнение Дон Жуаном простолюдники.

Однако ни в одном из этих источников нет мотива гибели героини из-за сурового мужа или отца. Рукопись «Каменного гостя» сохранила следы обоих вариантов:

«Стих 59-й первоначально был записан:

Отец ее был негодяй суровый,

Затем слово “Отец” зачеркнуто и подписано слово “Муж”» [Пушкин 1935: 548].

У Мольера и Моцарта эпизоды соблазнения Дон Жуаном крестьянок – наиболее шуточные и легкие среди всех сцен его волокитства. У Мольера сценка с крестьянками Матюриной и Шарлоттой, одновременно претендующими на внимание Дон Жуана, – одна из самых шаловливых и грациозных во всей пьесе. Церлина в опере Моцарта сама не на шутку увлечена ласковым и красивым баринком, так что комическое негодование ее жениха Мазетто вполне обоснованно. Но влюбленные вскоре примиряются и вместе начинают преследовать обидчика. Куда печальнее разрешается эпизод с рыбачкой Тисбеей в пьесе Тирсо де Молины. Соблазненная и в ту же минуту покинутая, она бросается в море, чтобы остудить пламя обиды. Но и Тисбея не погибает, а ищет управы на соблазнителя. И крестьянка Аминта, также обманутая, является во дворец требовать себе в мужа королевского любимца.

Таким образом, сцены «крестьянской любви» ни сюжетно, ни эмоционально не имеют ничего общего с мотивом сожаления Дон Жуана о погибшей возлюбленной. Эти эпизоды решены, как правило, в комическом ключе. Простодушие девушек и их близких, а иногда гордыня или корысть простолудинов снижают драматизм происходящего, мешают

читателю сострадать жертвам соблазителя. В читательском тексте пушкинской пьесы не осталось намека на крестьянское происхождение Инезы. Да и поведение её мужа не вписывается в традиционный ряд похощений Дон Гуана среди простонародья.

Более убедительным представляется сопоставление этого эпизода с пушкинской «Сценой из Фауста»: «Отзвуком фаустовского сюжета в тексте “Каменного гостя” можно считать воспоминания Лепорелло о свиданиях Дон Гуана с Инезой... близкие к воспоминаниям Мефистофеля о свиданиях Фауста с Гретхен в пушкинской “Сцене из Фауста” (1825)» [Виролайнен: 44]. Но в «Сцене из Фауста» акцент сделан на трагической вине самого героя, исполненного тоской и скукой ненавистной даже в момент любовного наслаждения. Воспоминание Фауста о Гретхен не омрачается тенью мстительного отца или ревнивого мужа.

Итак, все предлагаемые в современных исследованиях версии происхождения эпизода воспоминания Гуана об Инезе являются недостаточно убедительными. Поэтому уместны размышления об иных источниках этого фрагмента.

Возможно, мотив сожаления о погибшей возлюбленной именно в том виде, в каком он развивается в «Каменном госте», был подсказан Пушкину одним эпизодом из 6-го тома «Клариссы». Это письмо Ловласа к Белфорду в переводе Прево (который и был прочитан Пушкиным) имеет номер СС1.

Здесь Ловлас рассказывает о единственном случае, когда он соблазнил не девицу, а замужнюю женщину: молодую француженку, муж которой уехал в Мадрид по коммерческим делам. Вот финал этой истории:

“Notre commerce se soutint par d’autres ruses, qui ne te paraîtraient pas moins ingénieuses. La glace une fois rompue, ma belle marquise ne fit pas difficulté d’y contribuer; car tu sais mon axiome :une fois subjuguée, c’est pour toujours. Mais un incident plus tendre servit à révéler le secret; à le révéler, avant que notre disgrâce commune pût être voilée par le retour du marquis.

<...> Le mari, moins propre à la qualité de mari qu’aucun homme de sa nation, et devenu plus délicat peut-être par son commerce avec les Espagnols, promit de loin une éclatante vengeance.

Que restait-il à la belle que de se jeter sous ma protection? Elle ne s’en crut pas plus malheureuse; jusqu’au jour des grandes douleurs, que la mort et le repentir arrivèrent à la même heure.

Pardonne une larme, cher ami: elle méritait un meilleur sort.

De quoi cet inexorable mari n’aura-t-il pas à répondre?” [Richardson: 1171].

Приведем этот эпизод в русском переводе конца XVIII в. Этот перевод «Клариссы», как заметил еще Н.М. Карамзин, был осуществлен с французского издания [Карамзин: 113], поэтому уместно обращение именно к нему.

«Наше сообщество подкрепляемо было другими хитростями, которые не менее остроумными тебе покажутся. Единожды разбитый стакан, т. е. любезная моя Маркиза всегда тому споспешествовала; ибо ты знаешь мое правило, когда женщина однажды покорена; то и всегда таковою будет.

Но некоторый весьма неприятный случай послужил к открытию тайны прежде, нежели общее наше несчастье могло начаться возвращением маркиза. <...> Муж, имеющий менее качества мужа нежели всякой человек его нации, и сделавшийся весьма важным, может быть, из обхождений с испанцами, готовил издалика явное мщение.

Что ж осталось моей любезной, как не ввергнуться в мое покровительство? Она не почитала себя от того несчастнее до дня величайших её мучений, когда смерть и раскаяние в единый час её сразили.

Прости одной моей слезе, дражайший друг, она заслуживала лучшего жребия; в чем сей неумолимый муж не будет ответчиком?» (Ловлас Белфорду. Письмо СС1) [Достопамятная жизнь].

Конечно, общие обстоятельства любовного похождения Ловласа очень далеки от всего описанного в «Каменном госте», и характер легкомысленной маркизы прямо противоположен облику бедной Инезы. И все же можно предположить, что этот эпизод задержал на себе внимание Пушкина.

Это одно из самых ярких с характерологической точки зрения писем Ловласа. Именно здесь герой надменно рассуждает о способах управления женщинами. Это манифест распутника, напрямую отразившийся в строках четвертой главы «Онегина». Тем неожиданнее рядом с ним звучит внезапное сожаление о погубленной женщине. Пушкина могла заинтересовать многомерная характеристика Ловласа, созданная в этом фрагменте. На протяжении одного письма герой сначала предстает циничным, безжалостным и самодовольным – и вдруг проявляет иные свойства: сострадание к своей жертве, привязанность, жалость. Здесь персонаж Ричардсона вполне оправдывает характеристику, данную ему Карамзиным в рецензии на русский перевод первой части романа: «Ловелас, в котором видим такое чудное, однако ж естественное, смешение добрых и злых качеств, – Ловелас, иногда благородный и любезный, иногда чудовище» [Карамзин: 112].

При этом у Ричардсона и Пушкина противоречивые свойства героя не нарушают целостности его характера. Так, в том и в другом произведении сожаление о погибшей возлюбленной не приводит соблазителя к раскаянию или самоосуждению. Ловлас обращается к приятелю, как бы требуя разделить с ним негодование на «неумолимого мужа». Гуан пытается оправдать себя перед Лепорелло: «Муж у нее был негодяй суровый, / Узнал я поздно... Бедная Инеза!...» М.Н. Виролайнен отмечает, что перенос вины – важ-

нейшая черта всех главных героев «Маленьких трагедий», яркое проявление их индивидуализма [Ви-ролайн: 57]. Оба героя посвящают своим жертвам лишь мгновенное воспоминание. Одну слезу роняет Ловлас, а Дон Гуан, на минуту встревоженный образом покойницы, спешит в объятия Лауры.

В письме Ловласа есть своеобразная апелляция к национальным характерам действующих лиц. Описывая приятелю роман с маркизой-француженкой, он в первых строчках упоминает о различии нравов «там» (во Франции) и «здесь» (в Англии): в то время как англичанка Кларисса упорно сопротивляется домогательствам своего похитителя, «Французские госпожи ни малюго не имеют отвращения к любовным обхождениям» [Достопамятная жизнь]. Так точно и Дон Гуан у Пушкина в начале первой сцены противопоставляет безжизненных северных красавиц горячим испанкам:

А женщины? Да я не променяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней в Андалузии крестьянки
На первых тамошних красавиц – право.
Они сначала нравились мне
Глазами синими, да белизною,
Да скромностью – а пуще новизною;
Да, слава богу, скоро догадался –
Увидел я, что с ними грех и знаться –
В них жизни нет, всё куклы восковые;
А наши!.. [Пушкин 2009: 136].

Противопоставление касается не только женских нравов. Еще более важна замеченная Ловласом разница в нравах и качествах мужчин. Сначала об этом говорится в шутовском примечании к рассказу о собственных любовных победах: «Англичане, Белфорд, не часто объехать могут французов» [Достопамятная жизнь]. Далее этот мотив развивается в кульминационном фрагменте: сообщении о гибели возлюбленной. Здесь он приобретает новое звучание. Фривольному и пошловатому рассказу Ловласа о его французских шалостях внезапную серьезность и драматизм придает ворвавшаяся в него испанская нота. Муж француженки оказывается неожиданно чувствителен к вопросам чести. Он готов явиться к неверной суровым мстителем. Обстоятельства смерти маркизы переданы рассказчиком неясно. Но видно, что одна угроза явления мужа-мстителя оказала страшное действие на героиню: «смерть и раскаяние в единый час её сразили».

Важный смысловой акцент падает на характеристику мужа: «Муж... сделавшийся весьма важным, может быть, из обхождений с испанцами». Слово «*plus délicat*» русский переводчик передает словосочетанием «весьма важный». Более точным в данном контексте определением было бы – чувствительный, щекотливый, щепетильный в вопросах чести. Иначе говоря, муж, не выделявшийся мужскими досто-

инствами среди своих одноплеменников, возможно, из-за обхождения с испанцами сделался слишком щепетильным в вопросах чести и обрел чувство собственного достоинства. Словно выломившись из ряда легкомысленных французов, он грозной тенью является в кульминации фривольного рассказа... подобно неумолимому каменному гостю.

К 1830 г. мотив, затронутый в этом эпизоде Ричардсоном, приобретает для Пушкина биографическое наполнение, ложится на почву лично значимой темы. Уже Анна Ахматова показала, что Пушкин «... вложил в “Каменного гостя” слишком много самого себя» [Ахматова: 104]. И в образе Гуана, и в образе Командора поэт узнавал «свое»: свое прошлое – «импровизатора любовной песни» и свое будущее – ревнивого стража супружеской чести.

При этом «испанская» щепетильность и суровость оказывается художественным обозначением собственно пушкинского, серьезного – вплоть до гибели – отношения к вопросам семейного обустройства и супружеского долга. А «французское» легкомыслие и снисходительность в этом вопросе соотносится с общепринятой практикой русского светского общества. Пушкин (некогда носивший прозвище Француз) вдруг неожиданно для всех «делается весьма важным», как бы оказывается сам «испанцем» среди «русских французов».

Испания недаром будет так занимать поэта в 30-е гг., недаром Пушкин будет изучать испанский язык и пробиваться к испанской литературе и фольклору через переводы и подражания, через Корнуолла, Мюссе и Мериме. Испания и испанская суровость в эту эпоху становятся для Пушкина своеобразной мерой оценки. Неслучайно именно в разговор русского с испанцем поэт вкладывает некоторые очень важные для себя суждения о русском обществе в наброске «Гости съезжались на дачу...» 1828–1829 гг. [Пушкин 1978б: 374–380]. Рядом с послом испанским нарисует он Татьяну в восьмой главе «Евгения Онегина». А легкомысленную Лауру заставит поминать о Париже.

Предлагаемое наблюдение не вносит существенных изменений в понимание «Каменного гостя», но добавляет новые детали в литературную «генеалогическую» Дон Гуана и в изучение творческого процесса Пушкина.

Список литературы

Источники

Ахматова А.А. «Каменный гость» Пушкина // Ахматова А.А. О Пушкине: Статьи и заметки. Москва: Книга, 1989. С. 90–109.

Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов, истинная повесть. Англинское творение г. Ричардсона. Часть шестая. Санкт-Петербург, 1792. URL: <http://>

az.lib.ru/r/richardson_s/text_0190oldorfo.shtml (дата обращения: 20.06.2024).

Карамзин Н.М. Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов // Карамзин Н.М. Избр. соч.: в 2 т. Т. 2. Ленинград: Худ. лит., 1964. С. 111–113.

Пушкин А.С. Письма: в 3 т. / под ред. Б.Л. Модзалевского. Т. 1. 1815–1825. Москва; Ленинград: ГИЗ, 1926. 540 с.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. Драматические произведения. Ленинград: Акад. наук СССР. 1935. 728 с.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 7. Драматические произведения 1825–1830 гг. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 1070 .

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. Ленинград: Наука, 1978. 529 с.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Худож. проза. Ленинград: Наука, 1978. 576 с.

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л – О. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. 640 с.

Richardson. S. Histoire de Clarisse Harlove. Traduit de l'anglais par l'abbé Prévost. Éditions du Boucher 183. Paris, 2004. URL: http://www.leboucher.com/pdf/clarisse/clarisse_harlove.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

The Novels of Samuel Richardson, Esq. Viz. Pamela, Clarissa Harlowe, and Sir Charles Grandison: in 3 vols. To which is prefixed, a memoir of the life of the author [Ballantyne's Nolveist's Library, vol. V. I–VIII]. London, 1824.

Исследования

Багно В.Е., Виrolainen М.Н. Примечания. Каменный гость // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. Драматические произведения 1825–1830 гг. Санкт-Петербург: Наука, 2009. С. 814–854.

Виrolainen М.Н. Маленькие трагедии // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л – О. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. С. 24–68.

Лотман Ю.М. Три заметки к пушкинским текстам // Временник Пушкинской комиссии. Ленинград: Наука, 1974. С. 88–89.

Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. Библиографическое описание. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1910. 442 с.

Рак В.Д. Ричардсон // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 291–293.

Томашевский Б.В. Каменный гость // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. Драматические произведения. Ленинград: АН СССР. 1935. С. 547–578.

References

Bagno V.E., Virolainen M.N. *Primechaniia. Kamennyi gost'* [Notes The Stone Guest]. *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniia 1825–1830 gg.* [Pushkin A.S. Complete works: in 20 vols. Vol. 7. Dramatic works of 1825–1830]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 814–854. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Tri zametki k pushkinskim tekstam* [Three notes to Pushkin's texts]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Temporary of the Pushkin Commission]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 88–89. (In Russ.)

Modzalevskii B.L. *Biblioteka A.S. Pushkina. Bibliograficheskoe opisanie* [Library A.S. Pushkin. Bibliographic description]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1910, 442 p. (In Russ.)

Rak V.D. *Richardson* [Richardson]. *Pushkin. Issledovaniia i materialy. T. XVIII–XIX. Pushkin i mirovaia literatura: Materialy k "Pushkinskoi entsiklopedii"* [Pushkin. Research and materials. Vol. XVIII–XIX. Pushkin and world literature. Materials for the Pushkin Encyclopedia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 291–293. (In Russ.)

Tomashevskii B.V. *Kamennyi gost'* [The Stone Guest]. *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniia* [Pushkin A.S. Complete works. Vol. 7. Dramatic works]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1935, pp. 547–578. (In Russ.)

Virolainen M.N. *Malen'kie tragedii* [Little tragedies]. *Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia. Vyp. 3: L – O* [Pushkin Encyclopedia: Works. Vol. 3]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 24–68. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.05.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 26.05.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.